

Северус издали наблюдал за Гарри; в первые несколько дней после возвращения из Запретного Леса мальчик походил на тень самого себя, не поднимал глаз, воровато поглядывал на брата, просто чтобы убедиться, что тот все еще здесь. А потом, как снег на голову, за несколько дней до начала экзаменов в глазах Гарри вспыхнул новый огонь, и мальчик заговорил с Северусом о произошедшем.

Мастер зелий не мог поверить своим ушам: Гарри всерьез обвинял себя в том, что испугался, впервые столкнувшись с Темным Лордом? Став свидетелем того, как этот Темный Лорд пьет кровь единорога на темной поляне в Запретном Лесу? Любой бы испугался, черт, да он тоже испугался! И он постарался уверить в этом мальчика; в конце концов, только дурак или сумасшедший может застать такую сцену и не почувствовать страха, а Гарри таким не был. Но что бы он ни говорил, даже если это избавило мальчика от чувства вины – и ведь как же в духе Гарри винить себя в том, что он не может контролировать, исправить, милый его сын, – это никак не утолило нового огня в его глазах.

Гарри увидел Волдеморта, впервые почувствовал, насколько реальную угрозу тот собой представлял, и решил бороться. Мастер зелий не знал, пугаться ли ему, видя решимость Гарри, или нет. Он, скорее всего, был бы в ужасе – он вечно боялся, что с мальчиком что-то случится, а он ничем не сможет ему помочь, – если бы одновременно не был так горд.

Гарри, со своей стороны, сделал все возможное, чтобы справиться с чувством вины; если совсем начистоту, то он не мог сказать, что это ему полностью удалось, но однажды ночью, готовясь к предстоящему экзамену по Превращениям*, он вдруг понял, что от жалости к себе пора избавляться. Что, во имя Мерлина, он вообще творит? Ему нужно тренироваться, ему нужно совершенствоваться! Он почувствовал такую злость на себя, ну, неправильно отреагировал, так что теперь, просто спрятаться в книгах? Его гнев вспыхнул и выжег последние оставшиеся следы страха; он вспыхнул, он взвился и окончательно все спалил, а потом схлынул, оставив после себя ясность и покой, каких мальчик никогда прежде не чувствовал.

Он будет тренироваться. Он станет лучше. И он никогда не позволит себе вновь застыть в подобной ситуации. Он не мог обещать себе, что не будет бояться, он не мог контролировать свое сердце, да и к тому же, сколько раз Северус предостерегал его от таких попыток? Но он уже не позволит своему страху вновь его остановить. И Гарри усмехнулся, на душе у него полегчало, впервые за последние несколько дней. Он сбежал вниз по лестнице в гостиную и крепко обнял брата, сильно того удивив.

– Что это было? – спросил Адриан, который перед этим разговаривал с Роном и Гермионой.

– Я только что закончил повторять Превращения и захотел поделиться, – заявил Гарри с широкой улыбкой, а потом вернулся к своей кровати, чтобы действительно закончить повторять.

– Видишь, Гермиона, что с тобой будет, если будешь слишком много учиться? – услышал он слова Рона, стоило ему только отойти. – Притормозила бы ты, пока у тебя тоже крыша не поехала.

С тех пор Гарри проводил свои дни в прежнем учебном ритме, а его решимость возросла. Экзамены промчались быстрее ветра, для него, по крайней мере. Гермиона, видимо, поставила себе целью обойти его по баллам, но даже она отступилась после того как Гарри превратил доставшуюся ему мышь в табакерку из чистого золота и драгоценных камней, настолько изысканную, что даже профессор МакГонагалл остановилась, чтобы одарить его широкой улыбкой.

Последний экзамен – История Магии – завершился в обстановке всеобщей радости; они, наконец, закончили! Результаты будут известны через неделю, а через два дня, с последней квиддичной игрой, первой учебный год в Хогвартсе официально закончится. Хорошее настроение Гарри держалось только до того момента, как он увидел потрясенное лицо брата, когда тот тащил за собой к хижине Хагрида Рона и Гермиону; что-то ему сказав, Адриан наконец спросил, откуда же взялось драконье яйцо Норберта. Они с Северусом уже пришли к выводу, что за произошедшим стоит Квиррелл. Если так посмотреть, шанс, что это всего лишь совпадение, был один к миллиону, так что Гарри и Северус приняли как данность, что Квиррелл знает, как пройти мимо Пушка. Теперь ему оставалось только дожидаться удобного случая.

Имея это в виду, мастер зелий послал Николасу письмо, поделившись с ним своими опасениями, но алхимик знал, что если для Камня не будет безопасно в Хогвартсе, то не будет уже нигде, и ответил, что хочет рискнуть. Гарри вздохнул и понадеялся, что они смогут пресечь любые поползновения Квиррелла. Прочитав ответное письмо, он вышел из кабинета Северуса, размышляя, как бы ему убедить Николаса спрятать Камень в другом месте. Вздохнув, он вошел в гостиную, не ожидая никого там встретить в такое позднее время; ему следовало подумать получше: прямо в центре на полу лежало тело Невилла Лонгботтома, на которого явно наложили чары оцепенения.

Мысли Гарри помчались вскачь; на Невилла наложили оцепенение, когда все остальные уже ушли спать, иначе кто-то заметил бы. А поскольку шансы, что на Невилла напал кто-то чужой, были ничтожно малы, то, должно быть, Петрификус Тоталус наложил один из гриффиндорцев. Сделать это могли только для того, чтобы убрать Невилла с дороги. А после потери ста пятидесяти баллов и отработки в Запретном Лесу было только три человека, которым Невилл мог помешать уйти тайком ночью. Кроме того, только у трех человек были на это все основания. И кто знает, как давно они уже ушли. Ох, брат, что же ты творишь?

Гарри сразу отступил, не поставив Невилла – который, кажется, все равно уже задремал – в известность о своем присутствии. Он в шоке покинул гостиную и направился на третий этаж к запретному коридору, сжимая в руке свою палочку. Сначала он хотел сходить позвать Северуса, но даже секундная задержка могла обойтись слишком дорого. Зеленоглазый мальчик побежал со всей скоростью, на какую были способны его ноги, не заботясь – а может быть, даже надеясь, – что может встретить по пути учителя. Этого не произошло, хотя к тому времени, как он достиг запретного коридора, он был в полу невменяемом состоянии. Только услышав за дверью лай Пушка, Гарри осознал, что понятия не имеет, как мимо него пройти. Но сейчас такие тонкости его не волновали; если ему потребуется порвать чербера на клочки, чтобы добраться до брата, то он так и сделает. Он осторожно толкнул дверь, не желая сразу ставить пса в известность о своем присутствии.

Пес лаял на открытый люк, давая понять, что через него кто-то прошел; по крайней мере, это

его брат пережил. Он быстро осмотрел комнату, и его внимание привлекли две вещи: первое – брошенная на полу мантия-невидимка. Второе – лежащая в нескольких футах разбитая пополам арфа. Арфа могла тут оказаться только по одной причине. После быстрого Репаро, которое привлекло внимание пса, арфа стала как новая. Еще один взмах палочки заставил струны арфы зазвучать; заклинание долго не продержится, да и звуки, производимые арфой, вряд ли можно назвать мелодией, но, похоже, это все равно оказало на Пушка нужное действие; его глаза закрылись, и он повалился на пол. Гарри схватил мантию, завернулся в нее и шагнул к люку.

Он направил в отверстие люка Люмос, луч из его палочки осветил, кажется, какой-то вид ползучего растения. Сильно сомневаясь, что Дамблдор попросил профессора Спраут посадить жимолость, Гарри перехватил палочку поудобнее и прыгнул. Растение смягчило падение, а затем, обвив его ноги, попыталось сломать ему кости, чем позволило опознать в себе Дьявольские Силки.

– У меня нет на это времени... – пробормотал Гарри и указал палочкой на растение. – Инсендио!

Ярко-красные языки пламени вырвались из его палочки, и растение отпрянуло к стене. В ту же секунду мальчик бросился бежать. Следующая дверь, которую он толкнул, привела его в зал, по которому летали тысячи разноцветных птиц; у выхода были как попало свалены три метлы, и Гарри вполне мог догадаться, кто ими попользовался. Он подошел к двери, обнаружил, что она заперта, и интуитивно понял, что ни одно из заклинаний, какие он мог бы использовать, не позволит ему пройти без ключа. И к слову о ключах...

Он снова посмотрел наверх; оказалось, что птицы были вовсе не птицами, а крылатыми ключами. И нужный ему должен быть старым, подумал мальчик, а еще большим, серебряным и потрепанным, если им уже дважды воспользовались. Он подобрал метлу и взлетел, лихорадочно выискивая взглядом нужный ключ. И несколько мгновений спустя он его нашел, спасибо таланту ловца, почти судорожным движением всунул его в замочную скважину и открыл замок. Покрепче перехватив палочку, он укутался в мантию и отворил дверь. Перед ним оказалось что-то вроде огромной шахматной доски, а в противоположном конце зала его ждала еще одна открытая дверь.

На несколько секунд он испугался, что придется играть, чтобы тут пройти, но тут удача решила повернуться к нему лицом. С грохотом появившаяся растрепанная и заплаканная Гермiona побежала к шахматной доске, уставившись куда-то в левый угол зала, где лежал потерявший сознание Рон; у Гарри не было времени останавливаться. Понадеявшись, что рыжий будет в порядке, он не упустил свой шанс и использовал его, бросившись через зал одновременно с Гермioniой. Присутствия кого-то из тех, кто, по-видимому, уже выиграл у шахматной доски, оказалось достаточно, чтобы не устраивать вторую партию.

Зловония, донесшегося из следующего зала, хватило, чтобы предупредить его о вероятном развитии событий до того, как на глаза попался бессознательный тролль. Гарри удвоил скорость; насколько он знал, осталось всего одно испытание. А потом последний зал, где его брат стоит один против Квиррелла или даже Волдеморта. Он направился к последней двери, а спустя секунду пламя охватило как вход, так и выход. Послание на пергаменте было явно

оставлено Северусом, и Гарри задумался над выбором. Вот оно, подумал он, поднимая маленький пузырек; там едва хватало на одного человека. Не задумываясь, он просто выпил и шагнул сквозь черное пламя, и ощущения от ледяного зелья прекрасно сочетались с поселившимся в груди холодом.

Он поспешно вошел в следующий зал, да так и застыл в шоке от картины, которую там застал. Там ожидаемо обнаружили Квиррелл и его брат, который, к счастью, все еще стоял на ногах, пусть даже был при этом сверху донизу обмотан толстой веревкой, а перед ними – то самое зеркало, которое шесть месяцев назад так заморозило его брата. Зеркало, которое показывало самые потаенные желания сердца. Хорошо ли, что оно в этом месте? Не особенно, в этом Гарри мог поклясться. Квиррелл продолжал объяснять, как он запустил тролля в школу и что он работает на Волдеморта. Адриан старался держаться невозмутимо, но Гарри видел, что он боялся.

– Я вижу Камень... я отдаю его моему хозяину... Но где он? – бормотал себе под нос Квиррелл, повернувшись спиной к Адриану, который просто стоял, оцепенев. – Возможно, Камень находится в самом зеркале. Мне нужно его разбить? – с каждой секундой учитель Защиты все больше волновался. – Что делает это зеркало? Как оно работает? Помогите мне, хозяин!

Гарри словно окаменел, когда в ответ на мольбу послышался голос, исходивший словно от самого Квиррелла.

– Используй мальчишку... Используй мальчишку...

Квиррелл повернулся к пленному Адриану и движением запястья убрал веревки, удерживавшие Адриана на месте, так что мальчик снова смог двигаться. Квиррелл приказал ему подойти ближе и посмотреть в зеркало. Адриан так и сделал. Гарри не мог понять, что происходит.

– Ну? – нетерпеливо спросил Квиррелл. – Что ты видишь?

– Я-а пожимаю руку Дамблдору, – проговорил Адриан. Гарри знал своего брата достаточно хорошо, чтобы видеть, что он лжет. – Я выиграл для Гриффиндора Кубок Факультета**.

Квиррелл снова выругался и оттолкнул мальчика в сторону. Адриан, похоже, понял намек и решил сбежать. Повернувшись, он ухватился рукой за свой карман. И в эту секунду Гарри понял, что его брат каким-то образом получил Философский Камень.

– Он лжет... Он лжет... – снова прозвучал громкий голос, исходящий от Квиррелла, который даже не шевелил губами.

– Поттер, вернись сюда! – Адриан не остановился. – Я сказал, вернись!

И вытащив свою палочку, он немедленно запустил Ступефаем; Адриан ударился головой об пол и остался лежать, а голос снова заговорил.

– Так вот как все это закончится... Адриан Поттер, Мальчик-Который-Выжил, умрет этой ночью... Дай мне посмотреть на него, прежде чем он умрет... Я ждал этого десять лет... – произнес голос, а Гарри придвинулся ближе, бесшумно направляя скрытую под мантией палочку на Квиррелла; он был готов сделать все, что может понадобиться...

– Хозяин, Вы не столь сильны! – запротестовал Квиррелл.

– Я достаточно силен... для этого... – настойчиво произнес голос, и Квиррелл начал медленно разматывать свой тюрбан, пока тот не закончился, а затем развернулся.

Гарри прикусил зубами щеку изнутри, чтобы не закричать; укус вышел таким сильным, что он почувствовал медный привкус собственной крови. Так это и есть Лорд Волдеморт? Он посмотрел на человека, который пытался убить их с братом еще младенцами, на человека, который снова угрожал жизни его брата, или, по крайней мере, на то, что осталось от того человека. Искривленное змеиное лицо с красными глазами, находившееся там, где полагалось быть затылку Квиррелла, злобно смотрело на его провалившегося в обморок брата.

– Мы снова встретились, Адриан Поттер, – сказал Волдеморт. – Я ожидал от тебя большего; по крайней мере, в прошлый раз, когда мы видели друг друга, ты сумел посмотреть мне в глаза, – усмехнулся он. – У тебя не будет другого шанса. Убей его и забери Камень; он где-то на нем! – холодно приказал Темный Лорд.

– Да, хозяин, – покорно, почти благоговейно сказал Квиррелл.

– Прощай, Адриан Поттер, – произнес Волдеморт, и Квиррелл повернулся к бессознательному мальчику.

Пока Волдеморт говорил, весь страх за пребывавшего в смертельной опасности брата, который заморозил Гарри, мгновенно трансформировался в алый жаркий гнев, а из него в обжигающую белую ярость. Волдеморт был монстром, а Квиррелл помогал ему. Темный Лорд пятнал все, к чему прикасался, оскверняя, уничтожая. А теперь он пришел за его братом. Один из первых уроков алхимии прокрался в его мечущиеся мысли, когда он крепко сжал под мантией свою палочку.

«Если ничего не помогает, Гарри, всегда помни: огонь очищает все нечистое», – прозвучал в его голове голос Николаса. Годы спустя Гарри оглянется назад и задумается, как ему удалось сделать то, что он сделал; ведь он никогда прежде не практиковал невербальные заклинания. Впоследствии он будет помнить только, что едва Квиррелл направил на Адриана палочку, как он указал на него своей и вложил всю волю в одно заклинание, единственное мощное заклинание, какое знал:

«Сазвит Инферналис!»***

И хотя с его губ не слетело ни звука, из его палочки вырвалась большая волна темно-красного пламени и врезалась Квирреллу – который склонился над Адрианом, готовый нанести последний удар – прямо в грудь, отбросив его на другую сторону зала. Учитель по защите от Темных Искусств завопил во все горло, а огонь, вместо того, чтобы утихнуть, все рос и рос, закручивался вокруг него, словно адский смерч, поглощал его и поднимался вверх, лизал потолок языками пламени.

Темная дымка, слегка напоминавшая человеческий силуэт, вылетела из бушующего пламени в зал и с жутким криком устремилась в дверь; Темный Лорд оставил Квиррелла и сбежал с поля боя. Он промчался над Адрианом и, улетаая, вновь проклинал его за сокрытую в том неизвестную магию, которая во второй раз едва не привела его к гибели.

Гарри мог лишь смотреть на бегство Темного Лорда. Он хотел броситься к брату, он хотел убедиться, что тот в порядке, что жив, но тело отказалось его слушаться, когда он, наконец, осознал, что он сделал; пламя все еще бушевало, и Квиррелл был там, внутри; и он никак не мог оттуда выбраться. Он убил его. Он убил. Вместо того, чтобы идти к своему брату, он отступил на шаг, его рука – все еще вцепившаяся в палочку – бессильно опала под мантией вдоль тела. Несколько секунд спустя языки пламени стали постепенно исчезать. Гарри почти не услышал эха быстрых шагов в коридоре за своей спиной, Альбуса Дамблдора он заметил, только когда тот его миновал.

Старик замер, уставившись на пламя, а потом склонился над Адрианом. Гарри не мог больше этого выносить. Он пошел, едва держась на непослушных ногах, словно находился под проклятием Империи, пока не достиг выхода из зала. Когда со стен пропали оранжевые отсветы призванного им огня, у него в голове словно рассеялся туман, и вся тяжесть совершенного им обрушилась на него, точно тонна кирпичей; и он, сорвавшись в безумный бег, помчался к выходу, пытаясь убежать от своих воспоминаний и чувства вины. Он использовал заклинание притягивания, чтобы подняться наверх к люку, при этом едва сознавая, что делает. Пушок все еще спал под наложенным на него Дамблдором заклинанием, но Гарри даже не остановился осмотреться. Он побежал дальше, даже не заметив, как мантия соскользнула с плеч и упала на пол в нескольких футах от трехголового пса.

Он слетел вниз по лестнице, дважды едва не споткнувшись и почти упав, но ему было все равно; он продолжал бежать. Дыхание вырывалось короткими хрипами, но это его не остановило; он продолжал бежать. Его легкие горели от перегрузки, но и это он игнорировал; ему надо было бежать. В подземельях в этот час не горело ни единого факела, так что он двигался в темноте, не потрудившись осветить себе путь; его все устраивало, пока он продолжал бежать.

Он достиг знакомой двери и изо всех сил заколотил по ней, не заботясь, кто еще может его услышать. Северус непонимающе открыл дверь; он только что закончил читать кое-что, относящееся к его работе над Волчьелычьем, и собирался отойти ко сну. Он хотел спросить у Гарри, что случилось, но бледное лицо и залитые слезами щеки заставили его замолчать; он только шире открыл дверь, пропустил его в свой кабинет и запер за собой дверь.

- Что случилось, Гарри? – спросил он, но мальчик молчал, а его взгляд оставался расфокусированным, словно он был в каком-то трансе.

- Я встретился с Волдемортом, – помолчав несколько минут, тихо сообщил мальчик.

Северус задержал дыхание, почувствовав, как покачнулся мир вокруг него. Что?

- Гарри...

- Когда я вернулся в гостиную, я понял, что Адриан, Рон и Гермиона пошли за Камнем, – объяснил Гарри, его глаза по-прежнему смотрели куда-то на стену в другом конце комнаты, рядом с пустующей картиной Мерлина. – Я последовал за ними и увидел, как Квиррелл угрожает Адриану; мой брат как-то сумел достать Камень – там было зеркало, то самое, о котором я тебе рассказывал в это Рождество, Камень был в нем, – а потом я понял, что Волдемонт тоже там. Он завладел Квирреллом или что-то такое, делил с ним тело. Адриан попытался сбежать, Квиррелл его вырубил, а Волдемонт приказал его убить.

Мальчик остановился, по его лицу снова заструились слезы, вытекая из немигающих глаз.

- Гарри, Адриан в порядке? – спросил Северус, опасаясь худшего.

Гарри пожал плечами.

- Он все еще был без сознания, когда я его оставил, но туда как раз пришел Дамблдор. Я думаю, с ним все будет в порядке.

Если дело не в Адриане, тогда в чем же?

- Что произошло, Гарри? – во второй раз спросил Северус.

- Квиррелл собирался убить Адриана, папа, – отозвался зеленоглазый мальчик полным боли голосом, и впервые с тех пор, как вошел в кабинет, посмотрел мастеру зелий прямо в глаза.

- Но он этого не сделал, – сказал Северус, ему не нравилось, к чему все шло; ведь это же Дамблдор успел вовремя остановить Волдеморта?

- Нет, он этого не сделал, – согласился Гарри, его голос срывался, а тело дрожало. – Потому что я первый его убил.

И мальчик упал на колени и заплакал.

<http://tl.rulate.ru/book/73471/2026661>